

НАТАША ТРУШ

ИГРА ПО ЧУЖОМУ СЦЕНАРИЮ

Наташа Труш

Игра по чужому сценарию

«Издательские решения»

Труш Н.

Игра по чужому сценарию / Н. Труш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833073-5

Так уж женщины устроены, что до последнего верят каждому слову того, кого любят, даже там, где верить нельзя, где вранье лежит на поверхности. Сомневаясь в чем-то, они сами придумывают оправдание словам и действиям, и проживают в этом иллюзорном состоянии еще достаточно долго. Ах, глупые влюбленные коровы, лопухие спаниели, а на самом деле — несчастные женщины, которым просто не хочется видеть очевидное. Потому что они ужасно боятся потерять то, что сами себе придумали.

ISBN 978-5-44-833073-5

© Труш Н.
© Издательские решения

Содержание

I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Игра по чужому сценарию

Наташа Труш

*Отчаянным и озорным барышням
Танюшке и Тасеньке.
Месть – это блюдо, которое подают
холодным...*

© Наташа Труш, 2018

ISBN 978-5-4483-3073-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Таранов крутил в руках карандаш, и пытался вслушаться в слова барышни, сидящей по ту сторону стола. Впрочем, «барышня» – это лишь потому, что посетительница была женского пола. Выглядела она мило и симпатично, даже можно сказать – молодо, но по паспорту ей был «полтинник с хвостиком», а она кокетливо улыбалась, строила Таранову глазки, и трещала без умолку, рассказывая бесконечную историю любви.

Продираясь сквозь «кустовые хризантемы» и «голландские розы на длиннющих стеблях», которые обожатель дарил барышне в начале их бурного романа, Таранов попытался, было, поторопить рассказчицу, но она укоризненно посмотрела на него и сказала:

– Если коротко, то вы сути не поймете, как не понял ее этот ваш, мягко говоря, недалекий, участковый. Тут каждая деталь важна. И я прошу вас выслушать меня до конца...

Таранов обреченно кивнул, и дама затараторила дальше. Но и через полчаса они продвинулись не очень далеко: после роз и хризантем, как и положено по сценарию любовного романа, у парочки, познакомившейся на просторах Интернета, начались продолжительные посиделки в кафе.

«Наверное, у него уже кофе из ушей выливался», – думал об аферисте Таранов, прекрасно понимая, чем закончится это многословное вступление, но даму не перебивал – все-таки за нее ходатайствовал сам начальник РОВД, потому как дама была чуть ли не лучшей подругой его то ли жены, то ли тещи.

Утром у Таранова зверски болела голова, и если бы не планерка, он бы просто свернулся калачиком на диванчике, и поспал от души. Как чувствовал, что головной боли ему добавят. Так и вышло.

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, – устало сказал полковник Михеев после томительного заседания, и все поняли, к кому относится эта фраза. У Константина Афанасьевича Михеева и Олега Таранова были особые, почти приятельские, отношения. А «Штирлицем» своего подчиненного Михеев звал не просто для прикола. Таранов только с виду был таким простецким, а на самом деле отличался от других сотрудников отделения тем, что мгновенно схватывал суть дела, великолепно анализировал ситуацию, умело руководил людьми, видел все гораздо дальше своего района и собственного носа, но при этом хранил верность отделу, как жена декабриста.

Ну, и еще было за что именно так называть Олега Васильевича Таранова. Кто-кто, а полковник Михеев хорошо был осведомлен о том, где его подчиненный получал специальную выучку.

– Садись, Олег Васильевич, поближе, – по-дружески похлопал Михеев по столу, когда они остались с Тарановым вдвоем в кабинете. – Ты что скучившийся какой-то? Не выспался?

– Выспался, – Таранов потер виски. – Но вот башка разваливается. Наверное, к непогоде...

– Ну, ты даешь! «К непогоде»... А что тогда мне говорить?! – Михеев сочувственно посмотрел на макушку своего заместителя, как будто там можно было разглядеть следы головной боли. – Васильич! Не в службу, а в дружбу, помоги, Христа ради! Бабы дома навалились так – не продохнуть. Короче, у них подруга есть, не то экстрасенс, не то гадалка какая-то. Обнес ее ухасть один. Жених. Ну, она с заявлением пришла в отдел, а ее отфутболили. Вот она по случаю жене с тещей и нажаловалась. А они мне пней вставили! В общем, я пообещал, что ты ее примешь...

Таранов посмотрел на Михеева красными, как у больного быка, глазами и «мыкнул».

– Болит? – сочувственно спросил Михеев.

– Не то слово! А тут еще вы, Константин Афанасьевич, со своими бабами и экстрасенсами...

– Слушай! А может она тебе... того...???

– Что «того»??? – Таранов непонимающе посмотрел на начальника.

– Ну, это... Голову поправит!

Таранов, будь на месте Михеева кто другой, сам «поправил» бы с яркими эпитетами и в сто этажей все, что он думает по поводу экстрасенсорных способностей «Тамары Георгиевны Селениной» – так было написано на листочке, вырванном из блокнота, который подsunул ему под руку начальник.

– Иди, Таранов! Она уже ждет. Посмотри, что там можно сделать...

Таранов тяжело встал и двинулся к выходу. Старый паркет скрипнул под его ногами. Михееву стало безумно жалко коллегу. И так работы воз и тележка, а тут еще он с разными бабскими глупостями. «Ну, приду домой, я вам покажу кузькину мать!» – мысленно пообещал Михеев жене и теще, и придвинул поближе папку с неразобранными документами, которые принесла ему секретарша.

– ... он так ухаживал, так ухаживал... В общем, Олег Васильевич, за мной в жизни ни один мужчина *так* не ухаживал, поэтому понять меня можно. Ах, к сожалению, эмоции к заявлению не приложишь! – дама вздохнула и взглянула на Таранова. Он механически крутил в пальцах карандаш, и, казалось, был полностью погружен в свои, совсем не относящиеся к делу Тамары Георгиевны Селениной, мысли.

– Простите, Олег Васильевич, вам ...плохо? – Селенина внимательно посмотрела на начальника уголовного розыска.

– Ничего, – Таранов процедил слово сквозь зубы. – Продолжайте. Просто, голова болит...

– Нет! Это не возможно! – Тамара Георгиевна театрально взмахнула маленькими своими лапками – пальчики блеснули многочисленными колечками. – Голова – это очень серьезно! И плевать на головную боль, как это часто делают люди – это безрассудство. Но вам со мной повезло! Поверьте: голова – это мой профиль.

Селенина вспорхнула с насиженного места и закрутилась вокруг Таранова, производя руками какие-то причудливые пассы.

– Сейчас вы почувствуете облегчение, а через пять минут вы не вспомните о вашей голове, – Селенина положила руку на раскаляющуюся от боли тарановскую бритую под «ежик» голову.

Он хотел, было, усмехнуться: еще никому не удавалось избавить его от болей, которые периодически мучают его после давней операции, но где-то внутри него в этот момент, словно, свежий ветерок пронесся. Это можно было сравнить с эффектом леденца «Холодок», что тает под языком и холодит внутренности. Только тут «Холодок» чудом попал в кипящий мозг подполковника Таранова.

Он прикрыл глаза, а через минуту почувствовал, как боль уплывает.

– Вам лучше? – вытащил его из другого мира голос Тамары Селениной.

– «Лучше» – не то слово, – Таранов покрутил головой, словно проверяя ее на прочность. – Мне хорошо. Спасибо за это говорят?

– Спасибо я вам скажу, если вы меня дослушаете до конца, – мягко поправила его Тамара Георгиевна. – А голову могу полечить. Причем, не надо никуда ездить – я сама к вам сюда приду.

Таранов покраснел слегка. И это не укрылось от дамы.

– Не думайте ни о чем таком! Я от души...

– А я и не думаю «о таком», – сказал Таранов и еще больше покраснел. – А с головой... Ну, ежели поможете – буду благодарен.

– Вы лучше жениха моего найдите... – Тамара Георгиевна враз погрузилась. – Стыдно, прямо как мадам Грицацуева...

– Обещать не буду. Искать будем. Давайте-ка, дальше рассказывайте, а то мы отвлеклись...

I

Дома Таранова ждала верная его подруга, почти жена, только без штампа в паспорте, Лариса. Когда-то она закончила педагогический, и даже немного поработала в школе, но с современными детками она не могла найти общий язык. Боялись они ее.

Лара про себя говорила, что родилась следователем, да по какой-то случайности стала педагогом. Ей и из школы-то уйти пришлось главным образом по той причине, что легко докапывалась до всех школьных тайн. Не интересно было... Когда коллеги восхищались ее очередным разоблачением, Лариса Михайловна спокойно говорила, что дети – плохие преступники, и их достаточно расколоть до попы, как дальше они сами разваливаются.

– А мое оружие – логика. Я начинаю складывать кубики, а картинка не складывается. Значит – что-то не так. И я ломаю собранное, и начинаю снова. В общем, узелки я распутывать умею.

Уйдя из школы, Лариса освоила замечательное ремесло – она делала кукол. Дом был завален коробками с красками, материалом для изготовления голов, ручек и ножек, кистями, лоскутками.

Таранов не ворчал. Во-первых, Лариска была счастлива, а это главное в работе. Во-вторых, она почти всегда была дома, и Таранова с его язвой желудка всегда ждал специальный диетический обед. Да и куклы из Ларкиных рук выходили такие, что отбоя от заказчиков не было, и Лариса всегда могла поддержать семейный бюджет, который порой трещал по швам из-за не очень высокой зарплаты подполковника, трудившегося на ниве борьбы с преступностью в отдельно взятом районе.

– Лар! Включи «ящик» – футбол начинается, – прокричал из прихожей Таранов, выковыривая тапочки со стоптанными задниками из-под книжного стеллажа.

Лара не слышала, как он открыл двери своим ключом, как бухнул в прихожей тяжелой сумкой: из спальни доносился стрекот швейной машинки. Зато белый кот Васька спрыгнул со шкафа и принялся крутиться вокруг хозяина.

– Лар!!! – снова крикнул Таранов.

– Олечек! Ты пришел! А я и не слышу! – Лариска воткнула иголку с ниткой в воротник старенького халата и повисла на шее у Таранова. И иголка, конечно, тут же воткнулась ему в щеку. Таранов поморщился, аккуратно вытащил иголку, с размаху всадил ее в дверной косяк, и смачно поцеловал Лариску. Потом шлепнул ее ласково чуть ниже спины и гаркнул:

– Мехлис, чаю! И зрелищ! – такая у него была любимая поговорка.

Лариска закрутилась по кухне, разогревая пресный тарановский обед, от одного вида которого ему становилось тоскливо. Но другой ему с его язвой был и не положен.

Потом они сидели рядышком в тесноватой кухне перед телевизором, пили чай с блинами – чай и блины были исключением из правил, и их в своем диетическом рационе Таранов отстоял. Правда, жарила Ларка блины по-особенному, без противопоказанной Таранову корочки, и получались они бледненькими и не очень аппетитными с виду, но вкусными.

Игра не задалась с самого начала, футболисты не бегали за мячом, а вяло убегали от него, и Таранов вскоре потерял интерес к происходящему на экране. Да и сон буквально валил его с ног.

– Сколько можно пахать?! – возмущалась Лариска, помогая Таранову раздеться. – И какого рожна ты сидишь на этой работе?

– Я не сижу, я работаю. Деньги, между прочим, получаю, – вяло сопротивлялся подполковник, начальник уголовного розыска районного отдела внутренних дел, вылезая из рабочей шкурки, и влезая в домашнюю – клетчатую пижаму. Он перебазировался в комнату и завалился на любимый диван.

– Деньги! Не смеши! Скоро будет дешевле держать тебя дома. Будешь, вот, куклам головы и руки-ноги лепить, и толку будет больше! Ну, вот где ты сегодня пропал чуть не до ночи? – разошлась Лара.

– Ну, что ты шумишь? – Таранов поморщился. – Как всегда, дел – хренова туча. А тут еще Михеев, а вернее – его бабы, подкинули бластного клиента...

У Таранова не было ни сил, ни желания рассказывать про Тамару Георгиевну Селенину, но Ларка, пристроившись уютно рядышком, чесала Таранову за ухом, отчего он почти мурлыкал, и в знак благодарности поддерживал беседу.

Лариса всегда живо интересовалась работой Таранова, и порой подкидывала ему интересные решения, и хоть он в этом и не сознавался, но подсказками пользовался.

– Что за клиент? – с интересом полюбопытствовала Лариса.

– Дама одна, экстрасенс, между прочим, – начал рассказывать Таранов. – Казалось бы, тетка насквозь человека видит – во мне, представь, спазмы мои в сосудах разглядела, а мужика-афериста не разглядела.

– Так это от одиночества, Олежек! Женщина – существо парное, ей одной тяжело, вот она и ищет свою половинку.

– Ищет «половинку», а находит приключений на свою зад... «пятую точку»...

Таранов рассказывал Ларисе про визит Тамары Георгиевны, упустив только интимную деталь общения, ту самую – избавление от головной боли. Ларка хоть и не дура-истеричка, но поводов ей лучше не давать, и вообще: меньше знает – крепче спит.

Таранов рассказывал Ларисе с подробностями историю любви, уводя ее подальше от щекотливой темки лечения головы с наложением рук.

– ... в общем, обаял он ее так своими розами-хризантемами и посылками со свечами, что она стала доверять ему, как себе. В дом впустила, с детьми познакомила. Он и их сумел к себе расположить. Хотя, судя по фотографии, нечем там завлекать женщин: худой, прилизанный спереди, с конским хвостом чуть не до пояса, с зубами железными...

– Мрак! Ты вообще какого-то монстра нарисовал!

– Это не я. Он и на самом деле такой «красавчег»! А расписан как! Эрмитаж отдыхает! Третьяковка в миниатюре! Чистого места на тушке нет – весь синенький! И тут не надо быть

сильно грамотным, чтобы не понять: дядя срок мотал на зоне и не маленький, не смотря на свой возраст – не полных тридцать восемь... Да! Лар! А еще среди фотографий были такие, что я чуть не умер от хохота! Этот крендель, прикинь, в голом виде!

– Совсем что ль голый? – недоверчиво переспросила Ларка, когда Таранов рассказывал ей этот милый эпизод.

– Хуже! – умирал со смеху начальник уголовного розыска. – В черном кожаном пиджаке и при бабочке. Представь картинку: полуголый крендель, с конским хвостом, железными зубами и... в полной боевой готовности! Ну, ты понимаешь, о чем я...

Таранов еще долго рассказывал Ларисе про экстрасенса Тамару Георгиевну и ее неудачную любовь – мужчину по имени Герман, а потом начал через слово сладко зевать, и Лариса распорядилась:

– Спать! Немедленно! А то завтра не встанешь!

Она наскоро чмокнула его, подвернула заботливо одеяло, и погасила свет.

А на кухне ее ждала горка посуды. И еще одна мыслишка промелькнула. Лариса быстро сполоснула под струей воды чашки и тарелки, стараясь не греметь, составила посуду в сушилку, и присела к столу.

В большой коробке с ее кукольным рукоделием вот уже несколько дней ждала работы чудная заготовка – кукольная голова с гривой черных шелковистых волос. Лариса аккуратно расчесала их маленькой щеткой, разобрала волосок к волоску на ровный пробор от середины лба, и собрала волосы резинкой в хвост. Вообще-то задумка была иной: Лариса хотела сделать куклу с именем – Наталью Николаевну Пушкину. Уже и наряд для нее был придуман, а тут вдруг родился образ такого демона после рассказов Таранова про Германа-сердцеда. Она еще не знала, что из всего этого получится, просто покрутила кукольную голову так и этак, и бросила все на столе – отправилась спать.

Утром ее разбудил тарановский хохот.

– Что ты ржешь, как конь, и в такую рань? – Лариса пришлепала на кухню, теряя по пути тапки. Таранов в долгополом махровом халате, босиком, стоял у стола и любовался на ночное ларкино произведение.

– Хорош! – вкусно сказал Олег. – Ох, хорош гусь! И похож-ж-ж-ж!!!

– Правда, похож?

– Оч-ч-ч-чень! Ты его изобрази, как на фото: в коже, с бабочкой и с готовым орудием наперевес. И на выставку!

Ларка шикнула на него, и расхохоталась, представив такого красавца на выставке. Отбоя бы не было от посетителей!

Лара выпроводила Таранова на работу, быстро помыла посуду, и присела к столу. Затея эта – сделать куклу, похожую на мошенника, который испортил жизнь влюбленной в него женщины, увлекла ее не на шутку. Типаж уж больно хорош!

А история, которую рассказал ей на ночь глядя Таранов, тронула ее не на шутку, и чем-то отдаленно напомнила ей ее собственную историю. Пять лет прошло с тех пор, как она закончилась, а Лариса до сих пор не могла вспоминать ее спокойно. «Спасибо мужчинам, которые умеют испортить жизнь доверчивым женщинам...»

* * *

День был как день: не хуже и не лучше всех остальных майских дней. Ну, разве что погода была приличная, не по-питерски сухая и теплая. Лариса Михайловна Потапова привела в музей своих учеников – у них был коллективный поход на выставку. Ей не жаль было своего выходного дня потратить на это культурное мероприятие. Хотелось, чтобы дети, у которых на уме лишь компьютерные стрелялки и пустая болтовня, хоть чуть-чуть приобщились к прекрасному. Да, банально звучит. Затаскали фразу, замучили. Но очень уж правильно и верно сказано – «прекрасное».

Увы, народное искусство – игрушки, выполненные из разных материалов, не очень увлекли современных деток. За исключением двух тихих девочек, которые с интересом переходили от витрины к витрине и задавали Ларисе какие-то вопросы, вся компания по-тихому крошила на паркет печеньем и дула пепси из банок, не обращая внимания на замечания аккуратных женщин неопределенного возраста, восседавших привратницами у витрин с экспонатами.

Под конец экскурсии дети, уставшие от музейной духоты, и, наверное, от скуки – ну, чего греха таить: это ей, Ларисе Потаповой, было все безумно интересно, а им... Им из игрушек больше всего по душе были куклы Барби и трансформеры.

Лариса устала шикать на детей, и когда два Антона – Васильев и Бельский – два самых отчаянных хулигана из ее шестого «Б» – не на шутку разошлись, и, вцепившись друг в друга, завалились на скользком паркете, на помощь ей пришел посетитель выставки, который давно шел за ними по пятам.

Он был высок, могуч, широк в плечах. Рубашка в клеточку с короткими рукавами не скрывала мощные загорелые руки, густо заросшие темной шерстью, и с серьезными бицепсами. Ему ничего не стоило приподнять Васильева и Бельского за шкуру и слегка потрясти в воздухе.

– Что вы делаете, молодой человек? – испуганно одернула его Лариса, и посмотрела по сторонам: не увидел ли кто. – Это же дети! И я несу за них ответственность! А вы их трясите... как... как нашкодивших котов!

– Они и есть коты нашкодившие! – пророкотал незнакомец и поставил Васильева и Бельского на пол. – И ничего с ними не случится! И вообще, надо было значит с собой еще кого-то из родителей брать, чтобы они полюбовались на своих сокровища!

Мужик, конечно, умные и правильные слова говорил. И Васильев с Бельским враз смирились. Но это был не метод. Нельзя допускать, чтобы кто-то применял к ученикам подобные воспитательные меры. В душе Лариса понимала, что мужик прав! И урок хороший всем. Вон как сразу притихли и даже интерес к прекрасному резко проявили. И все-таки...

– И все-таки, это недопустимо, – тихонько сказала она незнакомцу. – Это дети, не дай бог пожалуются родителям.

– Не пожалуются! – незнакомец хитро улыбнулся, и почти в самое ухо выдохнул Ларисе, так что она даже отшатнулась, – Александр. Иванович.

– Кто? – шепотом спросила Лариса у него.

– Кто-кто... Я!

Лариса, наконец, поняла: это он так решил с ней познакомиться.

– Лариса Михайловна.

– Очень... очень приятно! – снова выдохнул незнакомец шепотом в ухо Ларисе. Нет, уже и не незнакомец совсем, а как раз наоборот – новый знакомый, Александр Иванович.

Лариса покосилась на нового знакомого. Симпатичный. Глаза хитрые-хитрые. «Прикольный» – так про таких говорят современные детки. Он ей нравился.

– А вы что тут делаете? – шепотом спросила его Лариса.

– Как что? Я на выставку пришел! Вернее, я не на эту, на другую. Доски... э-э, вернее, древнюю живопись приходил посмотреть. А потом вас увидел, и увязался. А что, нельзя?

– Почему нельзя? Можно, конечно! Просто... такие как вы, наверное, не так часто ходят по выставкам.

– Ну, это вы зря, Лариса Михайловна! Я люблю музеи. Послушайте, а можно я вас просто по имени звать буду? А то, как на родительском собрании...

– Можно. Только, пожалуйста, не при детях. Все-таки, я для них – учитель.

– Ну, об этом могли бы и не предупреждать, я все понимаю. Вы меня тоже можете по имени. Меня все Шуриком зовут, как в кино. А что вы преподаете?

– Представьте себе, математику!

Новый Ларисин знакомый тихонько присвистнул:

– Ого! У нас в школе учителя математики и прочих точных наук все, как один, мужчинами были!

– Ну, сегодня мужчин в школу не затащишь! Правда, и я, скажу вам честно, разочаровалась в профессии. Устала, наверное. Не вижу у детей интереса вообще к учебе, потому и не хочу давать им то, что они не хотят брать. Да и мне ближе не язык цифр, как показало время, а вот это все – куклы и тряпки! Уйду из школы, и буду делать кукол для театра. Ну, это пока только мечты! А вы чем в жизни занимаетесь?

– Я? – вопрос этот совсем простой почему-то поставил Шурика в тупик. – А я, Лариса Михайловна... вернее... Лариса, без отчества... Я, как большинство мужиков сегодня, занимаюсь бизнесом! Ма-а-а-леньким таким, но своим. То есть я сам себе хозяин.

– Кого ни спроси – все бизнесом занимаются, – тихонько сказала Лариса своему новому знакомому. – Слово такое... обо всем и ни о чем. Что делаете-то, если не секрет?

– Да какой секрет! Но ничего интересного... Так... руковожу понемногу...

Лариса, конечно, заметила, что он как-то расплывчато говорит о работе, и больше пытаться его на сей счет не стала. «Бизнес, так бизнес! Сегодня куда ни плюнь – в бизнесмена попадешь! Никто не хочет работать на заводе или стройке, все хотят бизнес свой иметь! Ну, если получается – вперед!» – подумала она, а вслух сказала:

– Ну, не хотите рассказывать – не надо!

– Лариса! Я потом вам все-все скажу, и про работу, и про себя. Пусть это будет поводом встретиться нам еще раз, и без этих ваших шестиклассников-соглядатаев! Давайте, в следующий выходной, а? Можно снова в музей сходить...

– Ну, в музей вовсе не обязательно! Шурик, у меня ощущение, что вам скулы от тоски музейной сводит! Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь! – Шурик весело и хитро посмотрел на Ларису, и ухмыльнулся. – Давайте придумаем что-нибудь более веселое, чем музей! Стоп! Давайте так сделаем: вы мне дадите свой номер телефона, а я к следующим выходным придумаю для вас сюрприз, годится?

– Годится! – Лариса продиктовала ему номер своего мобильного, он записал его в телефонной книжке и тут же позвонил. В сумочке у Ларисы запиликало.

– Ну, вот, теперь у вас есть мой номер телефона. Звоните! К субботе с меня сюрприз. А сейчас – откланиваюсь. Вы уж простите – спешу!

Шурик расшаркался. Потом подошел к притихшим Васильеву и Бельскому, что-то сказал им негромко. Они в ответ дружно закивали, соглашаясь. Новый знакомый посмотрел на Ларису, кивнул ей, махнул на прощание, и скрылся, как растворился.

Признаться, он сумел ее слегка ошеломить. Не часто на ее пути встречались вот такие герои, все больше ботаники какие-то сумасшедшие, или кандидаты наук, заикленные на своих научных поисках. А еще хуже – будущие политические персоны, напридумывавшие себе биографию. Да... Валерик, будь он неладен.

А тут был мужик, настоящий, надежный. «Правильный» – так Лариса определила Шурика. Вот имя только это ей как-то не очень нравилось. И не шло оно ему совершенно. Детский сад. Ей по вкусу были другие, посерьезнее. Ну, если он Александр, то вполне можно звать его Саней. И даже Санечкой, коль до такого дошло бы...

Она поймала себя на мысли, что ей очень хотелось, чтобы дошло и до Санечки. Как-то было ей в жизни не очень уютно. Нет, не одиноко. Она не знала, что такое одиночество, так как была натурой увлеченной, постоянно что-то читала, куда-то ходила, в чем-то совершенствовалась. Но в минуты покоя и отдохновения от всей этой занятости ей становилось не совсем уютно. Возраст серьезный, а она одна. Не совсем, правда. Воспитывает по мере возможности Пашку – своего любимого племянника. Пашка наполовину сирота – с пяти лет без матери растет. Вот Лариса и пытается заменить ему непутевую мамашу Таньку, которая бросила Ларисиного брата Андрея, пока тот в моря ходил. С одной стороны – удобный был муж! Ну, не слепоглухонемой капитан дальнего плаванья ей достался, но тоже ничего себе: боцман на большом торговом судне – это серьезная фигура. И деньги она неплохие в руках держала, и тряпки он привозил, когда с этим делом в стране не весело было. Одна беда: не желал Андрей Потапов мириться с тем, что супруга его не является образцом настоящей жены моряка. Муж – в Тверь, жена – в дверь – это про нее сказано. Пашку она лихо подкидывала Ларисе, да так, что он скоро забывал, кто его настоящая мама, и вполне серьезно «мамой Ларой» звал родную тетку.

Лариса брату про выкрутасы его дражайшей не рассказывала: Андрей крут был на расправу, мог и ноги повыдергивать из того места, откуда они растут. Но ему и не надо было рассказывать, сам догадывался. А когда убедился во всем на сто процентов, убивать Таньку не стал, а вот материнства лишил легко – заплатил денег кому надо, и суд все в его пользу решил, хоть и принято у нас при любом раскладе детей матери оставлять. Впрочем, тут был совсем другой случай: мать сама не очень-то стремилась к тому, чтобы ей отдали ребенка. Она легко подписала отказ, и пятилетний Пашка стал наполовину сиротой.

Они жили тогда все вместе в родительской квартире, просторной и удобной для проживания большой семьи. Но вот только семья была смешная: брат, сестра и ребенок. Это из-за Пашки Лариса пошла учиться в педагогический, и не думала ни о какой иной профессии. Правда, надо было ей идти на психологический факультет, коль уж действительно хотела педагогикой заниматься, а она почему-то решила стать учителем математики.

Они с Пашкой начали учиться почти одновременно: Лариса в институт поступила, когда племяннику было пять лет, и она стала ему второй мамой. А по сути – первой. Так как родная мамашка никогда его воспитанием не занималась.

Зато со второй мамой Пашке очень повезло. Ларисе времени на племянника было не жаль, и она удивляла однокурсников тем, что не бегала с ними по вечеринкам, а все сво-

бодное время отдавала племяннику. Впрочем, учиться ей пришлось на заочном отделении, и потому студенческая жизнь ее почти прошла мимо. На сессии собирались взрослые люди, которые думали лишь об одном: поскорее сбросить «хвосты», зачеты и экзамены и уехать в свои города и поселки к семьям и детям. И не частые посиделки во время сессий почти не считались студенческой жизнью. Хотя, с местными студентами, у которых была возможность посещать лекции и сдавать экзамены между сессиями, Лариса общалась плотно, и они, нет-нет, да и собирались тесной компанией где-нибудь в кафе после очередного внеочередного зачета.

Чтобы избежать ненужных расспросов о личной жизни, Лариса не объясняла ничего про Павлика. Говорила просто и понятно – «сын». Однокурсники понимающе кивали. Но, зная, что Лариса не замужем, наверное, кое-кто в глубине души гаденько думал о том, что Пашку она нагуляла.

Ларисе было наплевать на то, что о ней подумают. Она была очень взрослым и рассудительным человеком. И Пашку, которого она иногда приводила на лекции, она ни о чем не предупредила, не просила называть себя «тетей». Она была ему мамой, настоящей. И даже их родители, которые поначалу лили слезы в тридцать три ручья из-за того, что у детей так все сложилось, в конце концов, смирились, и перестали требовать у Ларисы и Андрея отдать им Павлика. Они постоянно жили в старом доме, в деревне на границе Ленинградской и Новгородской областей, где ни школы не было, ни развлечений. Летом еще куда ни шло. Пашка отдыхал в их «родовом поместье», рыбачил с дедом и ходил с бабкой по ягоды. А на зиму Лариса забирала его в Петербург, где он сначала ходил в детский сад, а потом и в школу.

Андрей Потапов как-то устроил свою семейную жизнь. Правда, она была у него однобокой. На судне у него появилась любимая женщина, а когда возвращались на берег, они разъезжались по своим домам, и лишь встречались, как любовники. Не потому, что Людмиле Андрей не верил. Просто не торопился снова устраивать свою жизнь. Да, вроде и ни к чему было спешить. У Людмилы была дочка, которая жила с ее родителями. Стать отцом чужой девочке Андрей боялся. И своему сыну привести другую «маму», когда он мамой звал родную сестру – не хотел. Все как-то удачно срослось и сложилось. Всем было хорошо.

Было ли хорошо Ларисе, она не понимала. Она любила Пашку, как своего ребенка, и даже больше. Были в ее жизни кавалеры, которые, узнав историю Ларисино «сына», тут же предлагали ей отдать мальчика папе, и выходить замуж. А она ждала того, который поймет, что она не может поступать иначе, и что Пашка – это ее ребенок. Навсегда. Такого не нашлось. И Лариса жила, как жила.

Она тогда работала в НИИ биохимии секретарем-машинисткой. Ее педагогическое образование там было никому не нужно, да еще и специальность – учитель математики! Но ей было очень удобно: работа рядом с домом. Дома всегда готов обед. Она успевала туда слетать в перерыв, а не перекусывать в буфете.

А Пашка каждый день прибегал к ней на работу, и тихонько сидел в кабинете, в котором все полочки и столы были заставлены колбочками, трубочками и ретортами. Все это стеклянное великолепие позвякивало тихонько, когда под окном проносились машины, и ему казалось, что он находится в сказке. Это его Лариса научила слушать разговоры стеклянной химической посуды.

Пашку в тети-мамино НИИ от души тискали все сотрудницы отдела, и приносили ему конфеты и пирожные к чаю. Чай в этом научном заведении пили с утра до ночи, и разговоры под чай были не для детских ушей, поэтому женщины только успевали язычок прикусывать, когда Лариса делала им страшные глаза и кивала на закуток, в котором делал уроки ее любимый племянник-сынок.

Брат Андрей, понимая, что у сестры личная жизнь не задалась благодаря ему и Пашке, пытался как-то исправить ситуацию, но Лариса не хотела ничего менять в жизни. И только когда Пашка вырос в серьезного дядю с усами над верхней смешно вздернутой губой, Лариса согласилась на перемены.

Андрей купил симпатичную однокомнатную квартирку неподалеку от той, родительской, где все они выросли. Она была удачно перестроена прежними хозяевами, которые поставили перегородку с аркой, и однушка стала почти двушкой. Брат хотел переселить туда сына, но Лариса заартачилась:

– Нет! Не хочу! Пусть тут, как и было всегда, будет наш дом, где все мы будем собираться. А я уйду туда. Квартира мне очень понравилась. Там уютно и мило. А у Пашки друзья, и компанией проще собираться на большой площади. Пусть остается он тут. А вернее, пусть все остается, как было, только я буду жить немножко на два дома.

Вариант всех устроил. И у Ларисы появилась какая-никакая личная жизнь. Решение хоть чуть-чуть отделить ее личную жизнь от жизни близких родственников, в институте все одобрили. И очень скоро в жизни Ларисы появились новые друзья и... и Валерик, про которого по прошествии времени Лариса говорила не иначе, как «этот козел».

Но сначала у нее появилась душевная подруга – соседка Катерина. Правильно надо сказать – Екатерина Сергеевна Миронова. Была Катерина такой же, как Лариса одинокой, и даже племянников, которым можно было бы отдать любовь и заботу, у нее не было. «Одна, как штык!» – говорила она о себе со смехом. Катерина не заикливалась на своем одиночестве, грамотно размышляя, что уж лучше совсем одной, чем с козлом.

Задружившись с Ларисой, Катя практически вошла в ее семью, и у Пашки появилась чужая по крови, но родная и любимая «тетя Катя». Той осенью, когда Лариса познакомилась с Валериком, подруги собирались отдохнуть в Египте. Лариса шила для них умопомрачительные наряды, пуская в ход тряпки из старого чемодана Катериной бабки. Получалось, кстати, очень красиво. Эксклюзив!

– Смотри, Катя! Такого платья никогда, представляешь – ни-ког-да! – ни у кого не будет! Только у тебя. А у меня вот такое. – Тут Ларка вытаскивала на свет божий очередной наряд давно покойной бабушки и начинала фантазировать.

– Лар, твоим ручкам золотым цены нет! – восхищалась Катерина. – Тебе надо модельером работать! А ты в своем замшелом НИИ юбку протираешь!

– Твоя правда, – вздыхала Лариса. – Да только все не так просто! Понимаешь, это полет! А запри меня в клетку какого-нибудь ателье по производству ватников, и что?! Там не летаешь! Так уж лучше в НИИ протирать юбку, а на собственном гардеробчике совершенствоваться. Зато будем мы с тобой как две куколки на этом курорте, как его?! Опять забыла!

– В Хургаде! – подсказывала Катя.

– Точно, в ней! – подхватывала Лариса. – Представляешь! Нарядимся вечером, и прогуляемся по набережной – все кавалеры наши будут!

– Да нет там набережной! – смеясь, обрывала ее Катя. – А кавалеры и так наши будут. Только... как бы это помягче. Мне и на фиг не нужны эти кавалеры арабские. Повидала я их. Так что, наша задача – не кавалеров там найти, а отдохнуть как следует, закупаться, позагорать от души, вернуться зимой красивыми, и уж тут кавалеры точно будут сами в штабеля укладываться! Вот такой план.

Лариса слушала ее и посмеивалась под нос себе: ей с кавалерами как-то не очень везло. То, что само в руки валилось, ей было не нужно, а то, чего страстно хотелось и о чем мечталось, было пристроено в семьях, надежно и навечно. В НИИ, где Лара протирала юбки, в их лаборатории мужчина был один: ученый Михайло Ломоносов с портрета на стене смотрел с осуждением на то, как сотрудницы научного заведения вместо того, чтобы денно и ночью корпеть над

колбами и микроскопами, вяжут кофточки, разгадывают кроссворды и пьют свои бесконечные чай с вареньем.

С того момента, как у Ларисы появилась отдельная от брата и Пашки квартира, у нее время от времени заводился какой-нибудь мужчинка. Серенькая неприметная тень его нет-нет, да и просачивалась за хлипкую картонную дверь однокомнатной норки.

Лариса старательно готовилась к этим редким встречам, надеясь на то, что вот это, может быть, и есть настоящее. А вдруг?! Ну, не может быть, что все они сделаны по одной выкройке – непутевые и никчемные.

Но – увы. Порой ей и одного вечера вполне хватало, чтобы понять: не ее человек, случайный, залетный. Иногда отношения с кавалером заходили и дальше банального чаепития, но, не дотянув до утра, Лара бесцеремонно расталкивала кавалера. Он продирает глаза, испуганно спрашивал: «Что случилось?!». И получив в ответ – «Муж! Сейчас придет!» – одевался за секунды, мысленно благодаря армейскому строгому сержанту. Ларка участливо открывала двери кавалеру, он мышью нырял в сумерки, и растворялся в них без остатка.

«Хорошо как!», – думала Лариса, стоя под тугими струями душа, смывая с себя следы чужих, немилых рук. Однажды этот раннеутренний ритуал был испорчен звонком в дверь. «Кто бы это мог быть?» – подумала Ларка, вытираясь наспех махровым полотенцем. Дверной «рыбий глаз» показывал изогнутую панораму лестничной клетки. У лифта стоял мужчина. В полутемном коридоре, как в преисподней, на расстоянии вытянутой руки не видать ничего.

– Вам кого? – строго спросила Ларка.

– Девушка, простите, – проблеял представитель не лучшей половины человечества. – Я был у вас... ночью... э-э-э! ... в гостях! Не могли бы вы открыть, я кое-что у вас забыл.

Лариса распахнула дверь и увидела в полумраке кавалера: маленького, щупленького, в пятнистой куртке, какие носят военные, в ботинках на босу ногу и без штанов. Мужчинка нервно теребил выглядывающие из-под куртки заношенные насмерть трусы неопределенного цвета в горошек.

– Заходи! – весело сказала Ларка и пропустила страдальца в дом.

– Еще раз извините, – промямлил кавалер. – Но вы так стремительно меня выгнали, что я не успел одеться.

Ларка с любопытством разглядывала утреннего пришельца и ничего не понимала. Да, сегодня у нее был гость, чего тут отпираться. Но ростом явно повыше. И не то чтобы она не помнила лицо своего новоиспеченного приятеля, но было оно стертым. Кавалера ей подкинула сердобольная тетя Люба – дальняя родственница. Она строго сказала, мол, хватит куковать одной, пора семью создавать. И сообщила, что фотографию ее, Ларкину, показали одинокому племяннику одной своей подружки. Племянник Ларкину красоту нечеловеческую оценил и попросил телефончик. «И не выкобенивайся, когда он звонить будет», – строго сказала тетя Люба.

Две недели племянник старательно «окучивал» Ларку по телефону, напрашивался в гости. Она мариновала кавалера до тех пор, пока тетя Люба не нагрнула к ней прямо на работу в институт. Мощная, как танк, тетя приперла собственным бюстом Ларку к стене, шепотом, чтоб не слышали любопытные сотрудницы, отчихвостила ее за то, что она выделяется. А на сладкое сообщила, что племянник «очень даже ничего», и только чудом засиделся до тридцати пяти «в девках»... э-э-э... «в парнях»!

Ларка сдалась под напором племянника и тетушки, и пригласила первого на ужин. Впечатления он на нее не произвел ровным счетом никакого. «Облом!», – подумала про себя Ларка, выставляя кавалера за дверь на ночь глядя. А сейчас вот разбирайся с ним, какого черта он вернулся. Да и он ли?! Ну, серенький, не видный. Может этот, а может, и нет. Вроде, у нее был не военный. Да и не он это! Ну, не сошла же она с ума, что б уж совсем не узнать мужчину,

с которым время проводила! Но за своими штанами он пришел в ее дом, стало быть, это он и есть. Ларка скрипнула зубами от досады: ну и чучело! И как ее угораздило!

– Ищите свои штаны! И поскорее! Я мужа жду, – выдала она свою коронную фразу.

– Да-да, конечно! – засуетился мужчина. – Только скажите, где искать?

– Где раздевались! – рыкнула Ларка, и врубила в комнате верхний свет.

Мужчина проскользнул у нее за спиной, заглянул за диван, за шкаф, выдвинул кресло.

Штанов не было!

– Я понимаю, что был не на высоте, мадам! – промямлил он, и даже попытался шаркнуть ножкой. – Но я предупреждал – не надо алкоголя!!!

– Какой алкоголь?! – взвилась Лара. – Вы хотите сказать, что я вас напоила?!

– Нет, что вы! – скороговоркой выдал мужчина. – Просто мы вместе, вы и я... ну, как это... выпили немного больше, чем нужно... вот и результат!

– Какой результат?! – уперла руки в бока Ларка и недобро сощурилась. Она могла голову на отсечение отдать, доказывая, что ни с кем не пила ни вчера, ни сегодня, ни когда бы то ни было! И вообще ее в этот момент посетила страшная мысль: этого мужчину Лара видела впервые!

– Я вас, по-моему, вообще впервые вижу! – неуверенно сказала она.

– Мне кажется, что я тоже вас не очень помню, – родил трезвую мысль утренний гость.

– Я сейчас завизжу! – предупредила Лариса.

– Не надо!!! – в ужасе прошептал мужчина. – Лучше помогите мне найти квартиру, в которой я был ночью.

«Веселенькое дело!» – подумала Лара, но страх ушел. Пришелец внешне был тщедушным, и Лара даже могла бы, наверное, скрутить его и удерживать до прихода милиции. В свое время она научилась разным хитрым приемам в спортивной секции, потом и племянника Пашку обучала.

– Идемте в кухню, – скомандовала она, выключая свет.

Мужчина боком пролез в кухню, боязливо косясь на даму. Лариса кивнула ему на табурет. Ткнула пальцем в кнопку электрочайника.

– Будем рассуждать логически, – сказала она. Логика была ее коньком.

– Будем, – охотно поддержал ее мужчина.

– В доме двенадцать этажей. На каждом четыре квартиры. Вы точно были в этой парадной? – спросила хозяйка.

– Это абсолютно точно, так как я не успел выйти на улицу: открыл дверь и почувствовал, как холод потек прямо... э-э-э! по ногам! – охотно начал рассказывать мужчина. – И вы знаете, это так хорошо, что я не отпустил двери! Мне бы потом было не войти! У вас домофон, а я, извините, не помню ни этажа, ни номера квартиры...

– Как это вы этаж-то не запомнили?

– Да просто все! Я приехал сюда с дамой. Мы вместе вошли в подъезд, в лифте она нажала на кнопчку – я и не смотрел, на какую! Да мне и не интересно было! Я, знаете ли, в этот момент больше дамой был увлечен! А потом у нас произошли серьезные разногласия, и я очень быстро ушел, опять же не обратив внимания на номер этажа!

«Как это так? Быстро ушел, но штаны забыть успел?!» – машинально подумала Лариса. Она рассеянно слушала его и соображала, кто мог провести ночь с этим недоразумением? Видимо, фразу эту она произнесла вслух, потому что мужинка вдруг возразил ей:

– Ну, зачем же вы так вот – «недоразумение»! Я же вам объяснил, что виной всему алкоголь! Нельзя мне пить, а она хотела... а я не мог отказать...

Лара жила в доме не так давно и соседей знала в основном в лицо. Да и то, конечно, не всех.

– Как зовут женщину, у которой вы ночевали?

– Ах! – мужчина всплеснул маленькими ручками, – если б я помнил! Мы, знаете ли, были совсем мало знакомы. Ха-ха! Как в анекдоте: постель еще не повод для знакомства. Ой, простите, я увлекся. Так вот, как в том кино: помнить то я конечно должен! Да! Но... я не помню!

– Герой-любовник! – ехидно сказала Лара. – Ну, а как она выглядит, вы помните?

– Да, конечно! – оживился мужчина. – Она, знаете, такая... такая... —

Ручки его стали выписывать в воздухе кренделя, изображая нечто.

– Но словами я не скажу! – горько вздохнул он.

– Это я уже поняла! – сказала Лара. – Выхода нет, будем стучаться во все двери...

Мужчина жалобно вздохнул, поднялся с табуретки и, придерживая руками свои нелепые трусы, потрусил в прихожую. Лара намотала на голове тюрбан и запахнула поглубже халат.

Первая дверь, в которую позвонила странная парочка, была Каткина. Катерина открыла и попятилась, увидев мужика с голыми волосатыми ногами и тетку с полотенцем на голове.

– Что вам нужно? – не очень дружелюбно спросила она.

Ларка начала запутанно объяснять, что к чему, и уже через минуту все трое ржали так, что этажом выше кто-то пригрозил вызвать ментов и смачно выругался под дверью.

– Заходите, – шепотом сказала Катка, открывая шире дверь. Все трое угнездились на кухне.

– Значит так, – трезво рассудила Катерина, – если вы сейчас двинете на поиски штанов, то вам не поздоровится. Как вас зовут?

– Лариса! Леша! – в один голос ответили странные гости.

– Я думаю, Леша, – снова заговорила Катка, – что ваши штаны можно считать без вести пропавшими. Все, что я могу, это дать вам тренировочные брюки. У меня работали маляры и забыли. Конечно, не Ади Дасслер, но вам в вашем плачевном положении выделяться грех.

Катерина ушла в прихожую, долго рылась в какой-то коробке и извлекла оттуда старые треники с вытянутыми коленками. Они, конечно, не очень подходили к облику бравого военного, ну, да тому явно не до жиру.

Мужчинка по имени Леша, облаченный в старые синие штаны, стал выглядеть лучше. Он повеселел и предложил отметить случившееся.

– Девчонки, я сбегая! – рвался он в бой.

– Не надо! – осадили его дамы.

Через десять минут на Катериной кухне был сооружен стол с закусками, печеньем и конфетами. Выпили по рюмке нежного абрикосового ликера. Потом по второй. Через час на лестничной площадке перед лифтом прощались как старые друзья. Еще раз посмеялись над незадачливым Лешей и доверчивой Ларой. Леша вспомнил, как дама пустила его в свою квартиру в пять часов утра, что-то проанализировал и задал мужской вопрос:

– Ларис, я не понял: а зачем ты меня вообще пустила искать штаны в твоей квартире, если я у тебя не ночевал?

Лара густо покраснела и сказала, глядя на Лешу в упор:

– А потому, что я за пять минут до твоего звонка одного такого бойца выставила!

– И ты тоже?! – в голос дружно спросили Леша и Катка.

– И я! Дура, да?! – спросила Ларка. И все дружно засмеялись.

В этот момент где-то наверху стукнула дверь, и в лестничный пролет что-то полетело.

– Ложись! – как в армии гаркнул опытный в военном деле Леша.

– Импотент! – проорал кто-то сверху.

Дверь снова стукнула.

– Кажется, это и есть ваша дама, – сказала Катерина Леше, – а это – ваши штаны.

Леша в три прыжка сбегал вниз за штанами. Спрятавшись за шахту лифта, он скинул синие треники, и облачился в форменные брюки. И сразу стал как-то выше ростом. И симпатичнее. А самое главное, вместе со штанами к нему вернулась уверенность.

– Смотри, какой орел! – сказала восхищенно Лариса, оглядывая ночного гостя.

– Спасибо вам, девчонки! – радостно скалясь, сказал он. – Вы теперь для меня подруги на всю жизнь. Если позволите, зайду как-нибудь с тортом, отметим по-хорошему. А про импотента – это она совсем не права. Мне просто пить нельзя, а так я молодцом! Никто не жалуется!

– Заходи уж, герой-любовник, – миролюбиво сказала Ларка, и записала Леше свой телефон.

Так они стали дружить втроем. Лешка Куликов оказался мировым мужиком. Мог и компанию в праздник составить, и гвоздь в стену вбить. В кавалеры ни к Ларисе, ни к Кате он не набивался, чему они были рады.

За сборами на море не заметили, как кончилась промозглая питерская осень и в город просочилась липко-снежная зима. Лариса окончила курсы автомобилистов и получила водительские права. Экзамены сдала, правда, не с первого захода. Ну да, нет худа без добра. Ей повезло неслыханно. Второй раз сдавать вождение она пришла в компании десятка «бездарей» – так их мило назвал инструктор. Все, кроме нее, принесли по 200 американских долларов, чтоб уж в этот раз наверняка обзавестись правами. Ларка решила, что кормить зажавшихся мужиков в погонах только за то, что они крутят руль лучше ее, ни за что не будет. «Измором возьму!», – думала она.

В раздолбанную «шестерку» инспектор-экзаменатор посадил четырех «двоечников». Первая, судя по всему, автомобиль изнутри видела впервые.

– Нежно трогаемся! – ласково, как воспитаннице дурдома, промурлыкал девице гибэдэдэшник, развалясь вольно на пассажирском сиденье. «Как?», – спросила девица, хлопая ресницами.

– Нежно, я сказал! – повторил инспектор.

Девица вдавила в пол педаль газа, «жигуленок» взревел, напрягся и задымился. Экзаменуемая закрыла красивые глаза руками, бросив руль, естественно. Гибэдэдэшник покрылся испариной, прошептал:

– Нogu убери! И выходи из машины! Сдала!

Вторая барышня, прежде чем взяться за руль, вытянула шею, внимательно осмотрела себя в зеркало заднего вида, достала из сумочки помаду и обновила макияж. Экзаменатор внимательно наблюдал за ее действиями. А девица, удобно усевшись на сидении автомобиля, вдруг защebetала:

– Ой, только вы, пожалуйста, мне подсказывайте! Я помню, что надо нажать вот на эту педальку и потянуть вот за эту ручечку! Дальше – не помню...

Ей удалось сдвинуть машину с места и медленно покатить по пустынной дорожке. Девица заверещала то ли от радости, то ли от ужаса. Машина дергалась и вихлялась, но ехала. Сдавали экзамен «двоечницы» в парковой зоне, понятно, что ни светофоров, ни дорожных знаков там никто не расставлял. Задача у инспектора была одна: формально прокатиться с девицами, чиркнуть в ведомости «сдал» и отпустить их с богом на улицы города с правами. Поэтому он не придирился к ним, терпя такую езду только за хорошее «зеленое» вознаграждение.

Третья экзаменуемая лихо загнала машинку в густые придорожные кусты и, услышав измученное, как стон, «Сдала!» из уст ошалевшего от выпускниц автошколы инспектора, выпорхнула из салона, лихо треснув дверцей на прощанье.

Лариса осталась один на один с заглохшим автомобилем в кустах и экзаменатором. «Вперед!», – безразлично кивнул он ей, показывая на водительское место. Лара неожиданно легко

сумела выбраться из кустов и вырулила на дорожку. Она готова была сдавать экзамен, но суровый гибэдэдэшник устало обронил неизменное «Сдала!» и высадил ее из машины, чиркнув в ведомости против Ларисиной фамилии свою подпись. Он так был вымотан экзаменом, что упустил тонкость, о которой ему на ухо нашептал напарник: «одна „двоечница“ не платила». Так Ларка честно получила свои права. А историю о том, как ей удалось это сделать бесплатно, она с удовольствием рассказывала еще долго.

По утрам она уродовалась во дворе со своим стареньким «жигуленком», у которого каждый день была новая причина не заводиться. Иногда это удавалось сделать без проблем, но тогда вечером ее втягивали во двор «на галстук». Зато она не рыдала, когда в зад ей влетел на повороте новехонький «мерс». Крутой мальчик, выскочивший из него, рвал на себе волосянки от злости, но нашел в себе силы принести Ларисе извинения за помятое «ведро».

Это он так сказал: «Не переживайте, ваше „ведро“ мы починим!» И, правда, ведь починил. Хотя вполне мог бы на сдачу от ремонта своего «мерина» приобрести для Ларки нового «жигуленка». Самое смешное, что после ремонта Ларискин «конь» стал исправно заводиться, и даже в морозы она не дрожала на автобусной остановке, а лихо подкатывала к проходной своего НИИ.

Дорогу эту от дома до работы и наоборот Лариса хорошо выучила, и скоро могла не смотреть на дорожные знаки, четко зная, где какой находится. Зато в городе, по не знакомым ей улицам, она ездить еще побаивалась. Следуя совету одной своей знакомой, Лара пристраивалась в «хвост» автобусу или троллейбусу и тихонечко ползла за ним по нужному маршруту.

Потом городской транспорт в роли провожатого ей поднадоел, и она стала увязываться за другими машинами. Полагаясь на то, что впереди опытный «Шумахер», Ларка почти не смотрела на знаки и светофоры. Уж он-то точно знает, можно тут налево или нельзя. Знай себе рули, да повороты вовремя показывай. Так однажды Лару занесло за крутым дяденькой на окраину города. По карте получалось, ей тоже как раз туда и нужно, однако, покрутившись по дворам, дядя заехал в какой-то тупик, и резко затормозил.

Лара чуть не клюнула его в широкую иностранную попу. Водитель выбрался из своей иномарки, подозрительно посмотрел на Лару в «жигуленке».

– Простите, – спросила она, заглушив двигатель, – а мы куда приехали?

– Я в гараж, – сказал мужчина, показывая Ларе на вереницу серых бетонных коробок, – а куда вы – не знаю.

– Скажите, хоть какой это район? – взмолилась Лара. – Я недавно езжу, заблудилась.

Мужик посмеялся над ней, и показал нужное направление.

А как-то раз она попала просто в чудовое приключение. Проезжая мимо Смольного, Лара увязалась за крутой «бомбой». У водителей это называется «ехать за спонсором» Как рассказали бывалые, мол, если и тормознут, то не ее, а того, кто так лихо рулит на дорогой машинке впереди. «Спонсор» мигал левым поворотником, и Ларисе нужно было налево. Хотя, она лишь приблизительно знала, что налево. Ездила она, по ее выражению, как «лох чилийский», и без карты, ориентировалась исключительно на местности, и нередко ошибалась так, что приходилось накручивать лишние километры. Но зато город узнавала. А в тот раз она точно знала, что надо налево.

Вот стоят они на перекрестке, у будки с гаишниками, мигают дружно налево. Гаишники на «бомбу» с завистью глядят. По всему видно, нравится она им очень!

Наконец, светофор мигнул на зеленый. И «спонсор» впереди вдруг резко передумал поворачивать налево, и попер прямо. И Ларке ничего не оставалось делать, как выключить поворотник, и ехать за ним. Зачем? А кто его знает – зачем?! Просто, она его заранее наметила в провожатые, и сориентироваться на месте не успела.

«Спонсор» какой-то странный оказался. Метров сто проехал, и все-таки налево повернул. По какой-то явно не проезжей части, а пешеходной дорожке. И Лара, понимая, что что-то нарушает, еще не зная – что, тоже повернула налево.

Дядя на «бомбе» лихо проехал вдоль домов, Лариска от него не отстала. А дальше...

А дальше был поребрик! Это чисто питерское изобретение. Так одно время даже градоначальника звали – «наш поребрик». Говорят, он и придумал.

Так вот, поребрик был не очень высокий. Но это для бээмвэшного джипа! Он легко через него перевалил, снова повернул налево, как раз к той самой улице, по которой они сразу и должны были ехать.

Лара зажмурила глаза, и тоже перескочила поребрик. Джипу – что! Ему это раз плюнуть! А наша пожилая «шестерочка»... Словом, грохнула она мощно при этом, и дяденька в «бомбе» наконец-то увидел, что тетка на развалюхе его преследует. Он ее еще, вроде, на перекрестке заметил, но внимания не обратил. Пусть едет, раз нравится!

Тут у «спонсора» логично замигал правый поворотник. Ну, все правильно! В этом направлении они и собирались двигаться изначально! Лара тоже включила правый мигающий сигнал, и приготовилась прыгнуть за «спонсором», который уже переваливался на проезжую часть. И в это время...

И в это время она увидела, кого так старательно объезжал этот крутой дядя – гибэдэдэшники, с двух сторон. Дядя сразу понял, что его непременно остановят, и решил их чуть-чуть объехать. «Видать, есть что скрывать!» – усмехнулась Лариса.

Тут ее словно токомшибануло: ей-то тоже есть что скрывать – талон техосмотра на лобовом стекле – сувенирный календарик! А настоящий техосмотр еще месяц назад пройти надо было!

От этой мысли ей стало так не хорошо, что она от страха вдавила педаль газа в пол, выжимая из своего средства передвижения все, что можно. Она легко догнала джип с дядькой, даже уже взглядом с ним встретилась в зеркале. И взгляд его ей не очень понравился. Да и какой там мог быть взгляд, если человек явно видит погоню за собой! И кто прет?! Не сотрудники инспекции с мигалкой, а тетка какая-то с дикими глазами на «ведре» неопределенного цвета и сомнительного года выпуска.

Дядя прибавил, и тетка за ним прибавила. Она висела у него «на хвосте», и ему реально было не по себе. И убежать было не так просто: простора не хватало.

Вот и гнала его Лариса до набережной, ловко пристраиваясь ему в «хвост», ловя на себе его дикий взгляд.

На набережной он посигналил какому-то тихоходу, что плелся неторопливо по левой полосе, тихоход убрался вправо, и дядя рванул от погони.

Но Ларисе уже было не нужно его сопровождение – дальше она дорогу и без него знала. Она, не нарушая, тащилась в правом ряду, и минут через десять добралась до Медного всадника. На светофоре передохнула, и даже поглазела по сторонам, чего почти не позволяла себе, сидя сосредоточенно за рулем, и глядя исключительно вперед.

– Ба! Знакомые все лица! – сказала Лара сама себе.

У тротуара мялся, размахивая руками, ее знакомый. Она б его не узнала, но рядом пыхтела, остывая от разгоряченной езды, его заметная «бэха», а дядю строил пузатый гибэдэдэшник, который на углу торговал полосатыми палочками. Дядя, похоже, попал за слишком лихую езду. Проползая мимо него, Лара оторвалась от созерцания серого асфальта проезжей части, и посмотрела на него. Они встретились взглядами, и у дяди брови встали домиком. Он что-то сказал сотруднику ГИБДД, показывая на Ларкин рыдван, но тот только махнул рукой, что могло означать лишь одно: «Не придуривайся! Чтoб вот эта колымага да гнала тебя по набережной?! Давай, плати, и не увиливай!»

Вот такой был опыт езды у Ларисы Потаповой.

Иногда Лару за рулем заменял герой-любовник Леша. Права у него были, а своей машины не было никогда, поэтому поручить для него было в удовольствие.

На Новый год друзья решили съездить к Лешиной матери в деревню. Купили продукты, подарки и отправились в дорогу. Ларкин «жигуленок» – спасибо отдельное хозяину «мерса»-торопыги! – не подвел дорогой. Ни на расчищенной от снежных заносов трассе, ни на проселочной дороге до дачного поселка Рассохино. Иногда он надсадно ревел, забираясь по самые ноздри в сугроб, но тут же бодро выскакивал, и, угрожающе скрипя своими старыми боками, продвигался дальше.

В непроглядной тьме они чуть было не проскочили развилку: Леша давил на газ и старался не выпасть из колеи, а посему меньше всего читал указатели.

– Сто-о-о-о-й-й-й! – дружно закричали Лариса с Катериной. – Приехали!

Леша от неожиданности тормознул неудачно, «жигуленок» зарылся в снег по самый капот и затих. Все попытки оживить старичка отечественного автопрома оказались тщетными: двигатель, уркнув раз-другой, перестал подавать признаки жизни.

– Надо толкать! – подвел итог бесполезных тырканий Леша. – Ларка! Давай за руль, а мы с Катериной сзади.

Катя с сомнением посмотрела на свои высоченные шпильки и уперлась двумя руками в багажник. Лара уселась на водительское сиденье и повернула ключ зажигания. Через десять минут стало понятно, что и этот маневр не ускорит процесс.

Выбившаяся из сил Катерина села в сугроб и со злостью сказала:

– Здравствуй, Дедушка Мороз – борода из ваты...

Она не успела озвучить до конца свою мысль – из-за поворота показались огни приближающегося автомобиля. Это оказался красавец-джип – черный, новенький и сильный. Судя по всему, его пассажиры тоже ехали в Рассохино. Джип уверенно затормозил и из него выскочил водитель – молодой парень:

– Застряли? – спросил он.

– А сам не видишь?! – огрызнулась Катерина.

А Лариса вежливо попросила:

– Дерни, а?!

– Куда едете? – весело спросил парень.

– В Рассохино! – хором ответили Леша, Лара и Катерина.

Парень приоткрыл дверь джипа и сказал в темноту салона:

– Валерь-Степаныч! Тут ребята застряли. Тоже в Рассохино едут. Я дерну?!

Выслушал ответ и кивнул – «Поехали!».

Все быстренько загрузились в «жигуль». Джип аккуратно по обочине объехал его, остановился. Леша выскочил и зацепил конец троса.

– По коням! – проорал водитель джипа, влез на свое место и тихонечко поехал. «Жигуленок» послушно пополз за ним по широкой джиповой колее. Двигатель молчавший до этого, как партизан, пару раз «чихнул», подергался и заурчал. Леша для надежности его еще погонял и весело засигналил, мол, тормози, дальше я и сам с усам!

Водитель джипа остановился, отцепил трос, заглянул внутрь ожившего «жигуленка»:

– Ну, с Новым годом, красавицы!

А Леше важно сказал:

– Смотри, а то дотяну до нужного дома!

– Спасибо! – гордо отказался тот. – Справимся!

Джип слегка качнулся от захлопнувшейся без шума дверцы, и медленно поплыл к поселку, показавшемуся под горой.

– Ну, девушки, считай, приехали! – сказал Леша, влезая в машину. – И даже не опоздали!

Поселок стоял под горкой. Несколько домиков, расположенных на солидном расстоянии друг от друга. Излучина реки угадывалась по темным очертаниям прибрежных кустов. Сразу за рекой – сосновый лес. Между домами – сосны с елками вперемешку.

Дом Куликовых – первый от реки, Лешка показал его. Рядом – огромная хоромина, украшенная цветными елочными гирляндами.

– Это наш сосед – дядя Слава, директор завода, – прокомментировал Лешка. – А-а-а! Вот и наши спасатели: к нему гости на джипе приехали.

Дома у Лехи, в огромной прихожей, отделанной вкусно пахнущей сосновой доской, все по очереди расцеловались с его мамой Марией Ивановной – симпатичной маленькой женщиной, за подол нарядного платья которой держались два абсолютно одинаковых малыша.

– Наши двойняшки – Маша и Миша! Лешенькины племянники, – познакомила всех с детками счастливая бабушка.

Маша и Миша тут же залезли в сумку с подарками и вытряхнули из нее припасенные как раз для них коробки с игрушками. Прихватив добытое, они умчались в комнату.

На крыльце затопали, обивая снег с обуви, и в дом вместе с облаком морозного тумана ввалились гости – Лешкина сестра с мужем. Шумно знакомились, раздевались, целовались.

– Лех, а ты у нас орел: сразу с двумя девушками приехал, – подмигнула брату сестрица Ольга. – Твоя-то которая?

– Обе мои! – отшутился Леша, отбиваясь от сестры, увлекая за собой в комнату Катю и Лару.

Гостей у Куликовых было много: в деревне в некоторых домах по одному жителю осталось. Ну, не бросать же их в такой праздник?! Вот Мария Ивановна и обошла всех соседей с приглашением. Стол ломился от деревенских закусок: грибы, ягоды, закрутки с огородов. Гости наперебой угощали приезжих «своим».

На большом экране телевизора все такие же молодые, как и много лет назад, играли не надоедающую комедию Барбара Брыльска и Андрей Мягков. Нестареющая польская красавица бархатным голосом тоже юной Аллы Борисовны пела про любовь, а протрезвевший Женя Лукашин рвал на мелкие части портрет несчастного в любви Ипполита. Все знали комедию наизусть, но с удовольствием смотрели, и комментировали, и опережали героев в диалогах – выдавали киношные перлы.

Потом все было, как это бывает всегда: привет от президента по телевизору, пробки от шампанского в потолок, нестройное «Ура!», и фейерверк за окнами – это у соседей шарахнули из десятка разных стрелялок солидной китайской мощности. Все как всегда. И даже желания Лариса загадала точно такие, что и в прошлом году. Скороговоркой про себя: «чтоб родители были здоровы, и Пашка, и Андрей, и сама, конечно, и Катька с Лешкой, и чтоб Пашка учился хорошо, и чтоб войны не было, и чтоб зарплаты хватало не только на хлеб и колготки, но и на поездку в Египет, ну, и чтоб одной не быть...» Вот и все.

Стандартный набор, как продуктовая корзина стандартного жителя города на Неве. Загадала быстро, куранты еще не успели пробить положенное, и время еще осталось, и она лихорадочно стала думать, что б еще такое, необычное бы, чтоб дух захватило, пожелать себе?! Чтоб хоть немного все отличалось от прошлого года. И с последним ударом курантов успела цапнуть желание дерзкое: пусть прямо этой ночью случится что-то необычное, что круто изменит ее жизнь!

Так, и не желание даже. Мысль. И чудо не заставило себя долго ждать.

Двери в дом Куликовых отворились, и чудо явилось на пороге в облике Валерия Степановича Лопухина – почетного гостя соседа Леша Куликова. Того самого, что прикатил в деревню на джипе и выдернул ее, Ларискин «жигуленок», из сугроба.

Был он, этот Валерий Степанович Лопухин, директором заводика строительных материалов, которым хитрым способом завладел в смутное перестроечное время. Заводик кормил и поил Валерия Степановича, давал ему повод пыжиться изо всех сил, изображая серьезного дяденьку. И было не совсем понятно, зачем он так пытается угнаться за своими более серьезными приятелями во всем, даже в том, чтобы именовать себя, юного, даже в дружеской компании, по имени-отчеству, педалируя эту тему поминутно.

Ну, у богатых, как говорится, свои причуды. Да в тот самый первый момент Лариса и не увидела этих причуд. Внешне директор заводика был симпатичным, обходительным. Лариса это сразу отметила. Всех старух за столом у Куликовых перецеловал и каждой даме к ручке приложился. Ларисину ручку в своей холеной лапке задержал дольше, чем надо было бы. Ну, и тут же начал ее охмурять по полной программе.

Лариса ради праздника ответила ему взаимностью, понимая прекрасно, что у такого господина уже наверняка имеется золушка на содержании, да может быть и не одна. Просто по какой-то причине именно сегодня Валерий Степанович кукует в праздничную ночь в гордом мужском одиночестве. Поругался, наверное, с любимой, и на праздник к друзьям ее не взял. Бывает.

Сестра Леша Куликова – Ольга – оказалась заводилой в компании, и гости не тянули тоскливо грустные песни за столом, и не пили-ели до утра, а танцевали, играли в какие-то глупые, но веселые игры, а потом отправились кататься с горы. Все, кто еще мог, конечно, кататься.

Лариса заметила, что Валерий Степанович постоянно где-то рядом: он приглашал ее танцевать, оказывался в одной команде игроков, и санки им достались одни на двоих.

Лариса посмеивалась в пушистый воротник. Она давно разгадала его не хитрую игру, и даже приняла ее. Они расстались очень тепло, и Лопухин попросил у Ларисы «телефончик», и она ему продиктовала свой номер.

Но она была немало удивлена, когда он ей позвонил. Видать, золушки его разбежались, и Валерий Степанович находился в поиске новой феи. И остановил свой выбор на Ларисе Потаповой.

В нем было то, что ей всегда не нравилось в мужчинах – какая-то индюшачья важность на пустом месте. Ну, подумаешь, директор заводика. К тому же, это не она, это он сам так ласково-уменьшительно называл свою собственность – «заводик», давая понять окружающим, что он свой в доску – носки в полоску, рубаха-парень, не Рокфеллер, но и не гол, как сокол. И, надо сказать, очков это ему добавляло, потому что если б еще тут он пыжился серьезно, то над ним бы, наверняка, посмеивались все солидные дяди.

А еще, глядя на него, Лариса понимала хорошо поговорку «из грязи – да в князи». Понятно, что к настоящим Лопухиным Валерик, как ласково звала его Лариса, отчего он подпрыгивал и злился, не имел никакого отношения. Ну, разве что где-то далеко-далеко. Но Валерий Степанович, поняв, что благородная фамилия прибавит плюсов к его положению, начал копать историю, рисовать древо Лопухиных, в котором нашел место и для себя любимого. В планах у него было вхождение в Российское Дворянское собрание, герб, фонд имени себя и своей фамилии и активная политическая жизнь – ему очень хотелось в депутаты городского законодательного собрания. До выборов еще было время, и Валерий Степанович начал потихоньку работать в этом направлении.

Он начал с фонда. Набрал в свое окружение десятков лизоблюдов, которые готовы были раздувать этот мыльный пузырь до бесконечности. У него появилась своя газета. Он посещал мероприятия, которые ему были не интересны, но которые были нужны ему, как воздух. Для

имиджа. И все это он должен был делать не один, а в компании с Ларисой. Она очень скоро поняла, чего от нее хотят. Ей было смешно от того, что происходит. Но ей страшно хотелось посмотреть, что из всего этого выйдет.

На самом деле Лариса догадывалась, что в детстве ее кавалер был Валеркой Лопухиным, и до окончания школы его без всякой задней мысли все величали Лопухом. Этим не слишком симпатичным сорняком он поступил в институт, им же и закончил вуз, который ему был не нужен ни с какого краю. Нужен был только диплом. На всякий пожарный случай. Не важно – какой. И чем проще путь к его получению, тем и лучше. И в этом смысле годился любой институт «заборостроения».

А потом его, как током ударило: черт возьми, да ведь фамилия-то не простая, а дворянская! И он потихоньку, как бы между делом, стал намекать о своем не простом происхождении. И все верили. Времена такие пришли, что все стали корни свои разыскивать, вот и Валерик Лопухин сподобился. Корни лопуха...

Обо всем этом Лариса сама догадалась, и в лоб спросила своего кавалера. Он наплел ей три короба про то, что вот, де, и в самом деле отрыл дома у маменьки какие-то документы, да родственников расспрашивал. Но из всего им сказанного Лариса поняла, что все это понты мальчишеские, но ковыряться не стала. Ну, в конце концов, у каждого свои игрушки. И если хочешь с мужчиной жить в одном доме, то терпеть его разбросанные повсюду игрушки придется.

Правда, в одном доме они не жили. Какая-то убогая жизнь у них получалась. И это не смотря на то, что и у него, и у нее все было благополучно с жилплощадью. Просто, вместе – это ответственность, а Валерик, хоть и пыжился, как большой мальчик с голубой кровью, на деле ни на какую ответственность был не готов. Да и зачем?

А уж когда он ударился в политику и днем и ночью мечтал только об одном – как влезть солидной попой в мягкое красное кресло городского ЗАКСа, от Ларисы он начал требовать неустанной заботы о своей тушке. Почему-то этот новоявленный «из графьев» решил, что для подружки его это будет наилучшим занятием. Капризам его не было конца, и претензиям тоже. Почему опоздала на важную встречу? Почему не проверила его пламенный спич, и он ляпнул принародно какую-то ересь? Почему не предупредила, что днем пойдет дождь, и он вырядился не в тот костюм? Сплошные «почему», которые за полгода их общения отравили Ларисе всю жизнь. Из-за него она так и не поехала с Катюшкой в Египет. Ее благоверный тогда находился в букетно-конфетной эйфории, и нежно намурлыкал ей на ушко, что «на фиг Египет, чуть позже он повезет ее в Южную Африку».

– ЮАР – это куда круче, солнышко! – уговаривал Ларису кавалер. – Только чуть позже! А сейчас в Питере дел по самое не балуйся!

Ну, что ж, неудобно, конечно, перед Катей было, но подружка поняла, хотя от колкостей в адрес «господина Лопухина» не удержалась:

– Эх, все-таки большой козлице этот твой Лопух! Эгоист и экстремист! Сломал такую женскую дружбу!

Ларка на Катерину не обиделась. Понять ее можно: столько ждали, столько нарядов придумали, и на тебе – все псу под хвост. Вернее, Лопуху под ...лист. В корень, в самый корень прямо этому лопуху!

Катерине, кстати, это кардинальное изменение планов пошло на пользу. Она принялась делать дома ремонт, и в помощники ей набился общий друг Леша Куликов. Мало того, что он Катке, считай, полностью весь ремонт своротил, так еще и в пылу борьбы за порядок в доме между друзьями вдруг искра пролетела, да такая, что в одну минуту запылила огромный любовный костер в обновленной квартирке.

Пылая щеками и прижимая к ним холодный ковшик, Катерина рассказывала подруге историю своего грехопадения. Была она смешной до слез, и почти невероятной, но поверить в нее Ларисе пришлось сразу же.

Катерина приклеивала бумажную ленту бордюра под потолком, стоя на высоченной стремянке. И вдруг закружилась у нее голова, да так, что она чуть не свалилась вниз, и громко «ойкнула».

Леша, намазывавший на полу узкие бумажные полоски, подскочил к шаткой лесенке и подхватил подружку. Но сделал это неуклюже и поспешно, да еще силушку приложив недюжинную, так, что внутри у Катерины что-то хрустнуло, и она едва сознание от боли не потеряла.

– В общем, сломал он мне ребро, Ларка!

Понятно, что работник после этого из Катерины был никакой, вот Леха и доделывал ремонт в одно лицо. Да еще и за подругой ухаживал. Ох, и отдохнула она за эти дни! Правда, без должного уюта. Пол весь липкий, в газетах, диван поперек комнаты, шторы оборваны, а вчерашние друзья, а нынче пылкие влюбленные и счастливые, хоть и со сломанным ребром, кинулись в любовный омут с головой. С головами! По большому счету, Кате с таким увечьем совсем и не до любви и сексуальных утех было, но и остановиться они уже не могли!

Лешка оказался настоящим мужчиной, и, глядя на него, Лариса забыла, каким смешным был он в то раннее утро, когда они все познакомились. И какие нелепые трусы на нем были, и как стояла дыбом шерсть у него на ногах от холода – Лариска видела это зрелище и смеялась про себя.

А теперь Катя такая счастливая. И при ремонте, и при мужчине приличном. Да еще и не просто так, а с чувствами.

У нее же Валерик. Лопух. Узнал, что Лариса собирается в гости к Павлику, набычился, засопел:

– Что ты все бегаешь к нему? Он уже мужик здоровенный! Ты ему еще нос подтирай!

– Ну, ты тоже не маленького роста, а я тоже за тобой, как за котом, с тряпкой по дому хожу: тут накрошил, там наследил, носки снял – потерял. Перечислять?

Валерик еще больше надувался, пыхтел, потом молча одевался и уходил в темноту. Ну, и что в таком случае в личной жизни Лары изменилось? Раньше выгоняла кавалеров, теперь еще больше рада, что он сам отваливает.

Если Валерику случалось приехать к Ларисе и застать у нее Катю с Лешей, то ребята быстро прощались и исчезали. И Лариска с тоской слушала, как весело они хохочут на лестничной клетке, открывая дверь в свою квартиру. Просто у них всегда было хорошее настроение. А у Ларисы с Валерой – каждый день, как перед грозой.

– Лар, ты меня извини, но я с ним даже разговаривать не могу, – жаловалась подруге Катя. – Я как посмотрю на его лицо не довольное, так понимаю только одно – надо домой отваливать! Как ты с ним, подружка, а?

Ларисе оставалось только рукой махнуть. Говорить Валерику, что он ведет себя плохо и не гостеприимно с ее лучшими друзьями, было просто бесполезно. Главный аргумент у него был:

– А тебе друзья дороже, да?

Лариса обычно на это молчала, и Лопух переспрашивал ее по десять раз, последний – с подвизгом.

И в один из дней она не выдержала, и твердо сказала:

– Да, дороже. Да!

Валерий Степанович выпучил глаза, как рак, и Лариса, глядя на то, как краснеет он, и вот-вот взорвется, впервые задала себе вопрос: «И как я могла ... вот с ним?!»

Она только хотела сказать ему, чтобы он уходил, но не успела. Уязвленный в лучших чувствах, Валерий Степанович начал нервно собираться. Причем, собирался он так, что было видно: ждет, родимый, когда остановят.

А Ларисе останавливать его совсем не хотелось, ни капельки! Устала она от его настроения вечно пасмурного, от занятости его вечной, а самое главное – от того, что превратил он ее за полгода в собственность свою, в служанку бессловесную, у которой, вроде, и жизни до него не было своей.

Когда за Валериком закрылась дверь, она облегченно вздохнула, и долго потом копалась в себе, искала ответа на вопрос – как допустила до того, что этот дутый индюк стал помыкать ею, превратил легко жизнь ее в проживание в угоду себе. Но не испытай она этого давления, не поняла бы никогда, что такое свобода.

Лопухину уже через три дня понадобилась Лариса, и он приехал к ней без звонка. Двери открыл примелькавшийся ему изрядно еще с елки новогодней в Рассохино мужик. Как его?... Саша? Петя? Леша! «Вот же, черт возьми! Доживут до сороковника, а отчества так и не зарабатывают, ходят в «лешках»! – неприязненно подумал о соседе Лопухин.

– О-о! Валерик! Здоров! Заходи! – радостно поприветствовал Куликов.

– Какой я вам «Валерик»? – Лопухин специально перешел на «вы». – Лариса дома?

– Лариса дома, Валерий, как вас, простите, по отчеству величать?

Леша Куликов совсем не дразнил бывшего Ларискиного кавалера. Это просто Лопухин в силу своей жуткой обидчивости каждое слово в штыки принимал. Он надеялся, что Лариса сейчас выйдет из кухни. Нет, не выйдет! Выбежит, голос его услышав. На шею ему бросится. Еще и прощения просить будет. А соседней надо выпроваживать. Да не как раньше – вежливо. Пора уже по-серьезному показать, кто в доме хозяин. И только хотел он сказать Леше, чтоб чесал он в квартиру напротив, как из кухни появилась Лара. И покорило Лопухина то, что никаких страданий на лице ее написано не было. Ну, совсем никаких! Как будто чужие они.

И только хотел он ей вопрос задать, вернее, два: один – по соседям, которым пора домой, второй – по настроению Ларискиному, как она улыбнулась широко, и спросила:

– Что это вы, Валерий Степанович, без приглашения, да на ночь глядя?

– Лар, ну, кончай ты глупости говорить! – возмутился серьезно Лопухин. – И что ты рот до ушей растянула? Лар, давай без дураков, а? Столько дел, а ты все в игрушки играешь!

– Ну, в игрушки у нас играете вы, Валерий Степанович! А я больше в них не играю. В ваши. Я, наконец-то, поняла, что у меня есть свои игрушки, и они очень соскучились, пока я вашей персоной занята была. Валер! Без объяснений: вали домой, ладно?!

И он повалил. Только скучная спина его медленно замаячила в лестничном проеме. На площадке между этажами Лопухин остановился, грустно посмотрел на Ларису, которая еще торчала в дверях, и сказал:

– Видел я, что ты дура, но что б такая...

– Иди-иди, Валера! Не по пути нам совсем. Вам во Дворянское собрание, а нам... А нам бы в Египет, да, Катюх?

Это Лопухин услышал уже из-за закрытой двери. Он вернулся, послушал под дверь немного. Но ничего не услышал, только приглушенное «бу-бу-бу» и смех издалека.

«Свистушка!» – презрительно подумал Лопухин, и вызвал лифт. Понять умом он не мог, как она могла отказаться от него. Как??? От него, который без пяти минут депутат, обеспеченный и красивый, с квартирой и машиной, без проблем и алиментов.

В это же самое время Лариса Потапова, спросила у своих друзей:

– Как??? Как я могла глаза закрыть на закидоны этого козлина, а? Как??? Ведь все было сразу видно.

– Любовь зла... – Катя не стала договаривать до конца.

– Любовь – да, а тут-то что было? Я ведь едва уже не заплясала под его дудку! Зато, Кать! Лех! Если б вы знали, что я испытала?! Никогда бы не узнала, как сладко пахнет свобода. А теперь знаю.

– Лар, тут все не просто. А мне вот несвобода очень сладка!

– Стало быть, все дело в козлах?

– В них! – и все трое дружно расхохотались.

* * *

После Валерика Лариса долго не могла надыхаться воздухом свободы. К тому же ее захлестнули заботы о хлебе насущном, поскольку в ее замшелом институте жизнь потихоньку увяла напрочь, и Лариса решила уйти в школу. Тетки институтские, услышав, что она затеяла, зашикали на нее, начали рассказывать истории про то, что сейчас детки из себя представляют.

Лариса посмеялась над их рассказами, а в голову вбила себе – хочу и буду. Это у нее в крови было: если что-то задумала, непременно делала. Характером в папу пошла, а родитель у нее ого-го какой! Милиционер бывший, между прочим. И от него у Ларисы была особая чуйка.

К тому же и школа была не какой-нибудь, а очень хорошей. И брали туда Ларису не просто так, а потому что в ней, в этой самой школе, работала Катя, Екатерина Сергеевна Миронина – лучшая подруга Ларисы преподавала в школе язык и русскую литературу. Так с ее легкой руки Ларка стала Ларисой Михайловной.

Правда, все было на практике совсем не так, как ей сначала представлялось. Лариса думала, что ей удастся заразить ее шестиклашек тем, что сама она обожала. Она не была математическим сухарем. Она много знала, умела хорошо рассказывать, была классным экскурсоводом. Но детки оказались орешками крепкими, и их интересы были далеки от Ларкиных. Пардон, от Ларисмихалных! Ларисмихална! Вот так ее звать стали ее ученики. А за глаза – она сама не раз слышала! – Лариской. «Ну, хорошо хоть не „крысой Лариской“, которую на поводке выгуливала старуха Шапокляк!» – подумала тогда Потапова. Наверное, они не видели этого мультика, а то бы непременно приклеили ей прозвище покруче. Мультфильмы они все больше диснеевские смотрели, а Крокодил Гена у них не в моде был.

За своими школьными и домашними заботами Лариса немного забыла про нового знакомого – Шурика. И уж тем более не помнила его обещание про сюрприз к субботе. А «сюрприз» явился раньше – в пятницу.

Шурик позвонил ей рано утром – Лариса собиралась в этот день только к третьему уроку и тихонько дремала. Солнце еще не заглянуло в ее окно, на котором лениво шевелилась легкая занавеска. Ее ласковыми лапами трогал ветер, забегавший в лоджию. Пахло летом, которое вот-вот и закатится в город, и станет в нем душно, и марево будет плавать в воздухе и спасение от него будет только в дни, когда духоту будет прорывать теплый летний дождь.

Но это еще впереди. А пока... Самое приятное время в питерском климате – май. Еще и листочки на деревьях-кустах липко-нежные, чистые, не запыленные. И соловьи за городом еще только робко пробуют по вечерам свои отдохнувшие за зиму связки. И утренний сон в это время – уже не сон, а полет в невесомости, плаванье в туманном молочном облаке, нечто поэтическое и ....

– Тили-тили! Трали-вали! Это мы не проходили! Это нам не задавали! – запел мобильник на прикроватной тумбочке, и Лариса тут же открыла глаза, и улетучилось состояние неги, которое обволакивало ее еще секунду назад.

«Как солдатик!» – недовольно сморщилась Лариса. Вот всегда так! Где бы потянуться, как положено пробуждаться современной женщине, так нет – услышала звонок и тут же вскочила, как сумасшедшая. «И, кстати, кому это неймется-то в такой час?!» – недовольно поморщилась Лариса, разглядывая номер абонента.

Номер был смутно ей знаком.

– Привет учительнице математики!

Лариса голос узнала – Шурик.

– Здравствуйте, Саша!

– Вы меня узнали? Это радует! Ну, я с сюрпризом!

– Да, точно! Разбудили меня в семь утра! Это уже «сюрприз»! Правда, не очень приятный!

– Ну, не ворчите! Я постараюсь исправиться. Просто, я подумал, что сегодня день рабочий, и учительнице уже пора быть на ногах, или вообще бежать в школу!

– Ну, все почти так, но у меня сегодня третий урок, поэтому я позволила себе поспать!

– Тогда еще раз прошу прощения, и желаю вас... нет, тебя! Мы ж на «ты», так ведь? В общем, я желаю тебя видеть!

Они договорились встретиться после уроков, при этом Лариса подробно рассказала, где лучше ее подождать. Ну, не на глазах же учеников свидание устраивать?!

Но ее музейный знакомый приперся под самые окна школы. Когда Потапова вышла на крыльцо, она чуть дара речи не лишилась. Полный двор детей, коллеги, родители учеников, а этот кавалер подкатил на своей страшной машине, похожей на хищную рыбину, распахнул дверцу, и преспокойно курил, полулежа на переднем сиденье. А на крыше автомобиля лежал огромный, какие только на похороны приносить, букет ярко-красных роз.

Лариса покраснела. Если бы машина стояла чуть подальше от школы, то она рванула бы мимо, и пусть бы этот непонятливый Шурик догонял ее. А тут... Растопырился на весь двор, не пройти, и сидит, как барин, музыку слушает, дым кольцами пускает. Да еще этот букет... ну, разве что наврать потом всем, что это родственник, и они просто договорились с ним на кладбище съездить после работы.

Но и этот вариант отвалился. Потому что Шурик, увидев Ларису, вылез из машины, букет тяжеленный подхватил, и навстречу ей двинул. И улыбался ей при этом от уха до уха! Какие тут на фиг «похороны»!

– Саша, я же просила ждать меня не у школы! – прошипела Лариса.

– А какая разница? – непонимающе уставился на нее Шурик. – И вообще. Мы люди-то взрослые!

– Вот именно! Мы – взрослые. А работаю я в школе, – Лариса даже разозлилась на непонятливость нового знакомого.

– И что? Что случилось-то? Я приехал встретиться с женщиной, которая мне понравилась. Сажу тихо-мирно, никого не трогаю, жду. Цветы вот принес! Что случилось-то? Или у тебя муж, и ты боишься за свою репутацию?

– Да нет у меня никакого мужа! Просто... Ну, как ты не понимаешь?!!

Спасла ситуацию Катя Миронова, у которой в этот день уроков не было, но она заходила в школу по делам.

– Лар, привет! – Катерина критично глянула на Шурика с похоронным букетом, и, кажется, поняла, почему подруга, красная, как рак и взвинченная.

– Привет! – кивнула ей Лариса. – Кать, ты не очень спешишь? Составь нам с Шуриком компанию?!

– Легко! – Катерина подмигнула Шурику. – Запрягайте, молодой человек, вашу лошадь, и двигаем куда-нибудь подальше, пока тут толпа зевак не собралась...

Потом они сидели в прохладе уличной кофейни, и Катерина втолковывала бестолковому Шурику прописные истины о том, что учительница – это существо особое, можно сказать – бесполое, расслабляться права не имеет, потому что легко может попасть впросак.

– Ну, девушки, вы даете! «Бесполое существа»! А личная жизнь у учительниц как же? Я слышал, что они тоже замуж выходят, и даже – о, ужас! – детей рожают!

– Бывает-бывает! – со смехом подтвердила Катя. – Но! Знаете ли, все это почти тайно. А если серьезно, то, молодой человек, у нас действительно профессия в этом плане особенная. Не стоит афишировать детям свою личную жизнь. Дети – существа беспощадные, уж поверьте мне. И попробуй потом что-то спросить с ученика, если он знает некие тайны про мою личную жизнь.

– И вы хотите сказать, что учительницы – это такие святые тетеньки?

– Нет! – в один голос возразили Шурику Катя с Ларисой, и расхохотались.

– Знал бы ты, какие приключения у нас в жизни были! Знали бы про это наши ученики... Эх! – Катя хитро посмотрела на Ларису. – Мы когда-нибудь расскажем. Может быть. А вообще-то, поговорочка про то, что в тихом омуте черти водятся, это как раз про нашу сестру!

Шурик в жизнь Ларисы вошел очень легко: так легко проникают в дом кошки с лестницы. Можно сказать, просочился в щелочку приоткрытой двери, сел на табурет у двери, зажмурился, и хозяйка сразу поняла, что выгнать его рука не поднимется. А как только понял, что гнать его не собираются, так осмелел, и проявил недюжинные способности в вопросе приготовления пищи: Ларкиных бутербродов ему явно не хватало.

Про себя Шурик рассказал Ларисе, что нет у него ни жены, ни детей. В паспорте у него, правда, имелся штамп о браке, но Шурик объяснил: нет времени съездить отметку о разводе поставить. Лариса мельком увидела прописку у кавалера – Веселый поселок. И, как сфотографировала, и улицу, и дом, и квартиру – была у нее такая способность уникальная. Шурик рассказал Ларисе, что родни у него не так много – только престарелая полуглухая тетка Маруся, с которой они и живут вместе где-то в Веселом поселке.

Про работу Шурик Ларисе наврал: сказал, что протирает штаны в НИИ какой-то радиоэлектроники и пишет диссертацию, но прокололся очень скоро. Как-то приехал к ней без предупреждения утром, а ее уже не было дома, и Шурик написал Ларисе записку, насажав в каждом слове по пять ошибок – одна страшнее другой.

Когда Лариса прижала его к стенке вместе с его ненаписанной диссертацией, он не смутился, и шепнул ей на ухо, что диссертация и вся эта наука – это только прикрытие. Оперативное.

Лариса с любопытством на него посмотрела.

– Лар! – шепотом сказал Шурик. – Ну что ты заставляешь меня вслух произносить то, что я не должен, не имею права разглашать?! Ну, работаю я в такой структуре, название которой до сих пор пугает обычных людей. Но в этом нет ничего особенного. Просто, иногда я

могу уезжать, и на достаточно продолжительное время. И свободен я больше в будние дни, а в выходные у меня работа. Помнишь, мы встретились с тобой в музее?

– Ну?

– Это какой день был? Суббота! Вот, я на работе был. Встреча у меня в музее с одним нужным человечком проходила. Ты извини, я много-то не могу рассказывать, у нас за длинный язык не жалуют. Длинные языки к полу гвоздями приколачивают! Во как!

Лариса была заинтригована. Она сама по характеру была следователем, любила решать задачи и головоломки, и даже вполне серьезно считала, что следствие – это дело математика, потому что в основе каждого преступления лежало уравнение с двумя и более неизвестными, и все что нужно для раскрытия преступления – это просто решить уравнение правильно.

Ее всегда тянуло к тайному, ей хотелось разгадывать загадки. Но в ее жизни загадок было не так много. Да и были они не очень интересные. Ну, не много ума надо, чтобы вывести на чистую воду компанию шестиклассников, подбивших весь класс на бойкот учителю физкультуры. Детей Лариса видела насквозь. Видимо, сказался многолетний опыт воспитания Пашки. Лариса не давала ему врать. Пару раз поймала за язык, заставила признаться, и дала понять, что так будет всегда. И все стало на свои места. Едва почувствовав неладное, она лишь строго говорила племяннику:

– Начистоту и без утайки!

И он рассказывал все, как было. Лариса дала ему понять, что не будет его драть ремнем. Хотя наказания были, но они были временными. Искупил вину за содеянное – и снова все по-прежнему. Главное, она внушила своему Пашке, что если он честно признается, то у него будет чистой совесть, а значит, жить будет легче. Не надо будет ворочаться до утра в постели с мыслями о том, что завтра может все открыться и ему будет ужасно стыдно перед Ларисой. Тайное всегда становится явным – это он запомнил хорошо.

С учениками было сложнее. Но с ними у Ларисы была своя тактика выявления правды. Она выстраивала четкие, математически выверенные версии. Она без истерик и угроз выкладывала проштрафившимся деткам эти версии, и попадала в точку. В общем-то, это было не так сложно делать. Дети не умеют прятать концы в воду. А если речь идет о групповом безобразии, то там все еще проще. Стоит задеть одного, как он начинает сдавать всех, потому что коллективная ответственность – это всегда не так страшно, как индивидуальная. Ну, представьте, одному париться на ковре в директорском кабинете, или втроем? А еще лучше впятером!

В общем, она была из тех, кто умел разгадывать тайны. И вдруг в ее окружении появился Шурик, который намекнул, что работает в сфере загадочной, и не просто так, а на самом «верху». Шурик при этом красноречиво завел глаза в небо. Лара даже растерялась. Ну, намек она сразу поняла, но что все так серьезно и высоко – даже подумать не могла. А когда усомнилась, Шурик ей внимательно в глаза посмотрел, за обе руки ее взял, покачал их, поднес к губам по очереди, коснулся легко, и проникновенно сказал:

– Ларис, я хочу чтоб ты поняла: у меня такая работа. Для всех я сотрудник этого никому не нужного НИИ, пишу диссертацию, не очень успешно, и неторопливо. Но суть не в этом. НИИ этот совершенно не секретный, между тем занимается вопросами, интерес к которым у некоторых граждан весьма велик. И моя задача – знать об этом все-все досконально. Это совершенно не опасно, чтоб ты знала. И, конечно же, я рассказываю тебе лишь в общих чертах. Работы у меня много, и она очень сложная. Я вряд ли смогу проводить с тобой много времени, но я тебе обещаю – это будут не забываемые встречи!

О, да! Он умел делать сюрпризы! Он красиво ухаживал, давал ей уроки экстремального вождения на своей, похожей на хищную рыбу, автомашине, очень, кстати, похожую на него

самого. Даже устроил для них двоих недельный отпуск на теплоходе – они ездили на экскурсию на Валаам и в Кижы.

Вот что строжайше запрещено было Ларисе, так это звонки. Нет, номер мобильного Шурика у нее был, но все, что она могла сделать – это послать ему смс-ку. И долго порой ждать ответа на нее. Лариса обижалась: очень внимания хотелось. Очень.

А он пропадал неделями черт знает где! И не звонил, и на смс-ки ее не отвечал. Ну, если только очень редко. А потом вдруг вламывался в ее жизнь, как снег на голову сваливался, и не давал ей сомневаться в своих чувствах.

– Ларочка! Ласточка! Если б ты знала, счастье мое, где я был! Какие там смс-ки?! Какие звонки?! Ну, вот же я приехал! Вот он я, радость моя! Я с тобой, и на фига какие-то вопросы?!

И она счастливо думала: и, правда, ну, на фига какие-то вопросы?

В общем, Лариса Михайловна влюбилась, как кошка. И ореол таинственности и загадочности, которым окружил себя предмет ее обожания, ей безумно нравился, и еще больше подстегивал ее влюбленность.

Конечно, где-то она понимала, что он наводит тень на плетень, но сама себе тут же объясняла: «Ну, а как иначе? Он же как... как Штирлиц! Он же в этом своем НИИ, как по лезвию бритвы ходит! Там же радиоэлектроника всякая разная, секретные темы и разработки, и он там, как в тылу врага! Тьфу, ты! Это я, кажется, перегнула. Нет, конечно, не в тылу врага, но тоже ничего хорошего. Вот, говорит, каждый день отчетность строгая, и результат каждый день должен быть, чтоб не сказали, что даром ест хлеб с маслом и с икрой...»

Икру Шурик обожал и Ларису кормил красными рыбьими яйцами, которые она терпеть не могла, но клевала по зернышку, чтоб не обижать любимого. Он же ее с рук своих кормил! Так как же тут было отказываться?! Она даже не морщилась, но старалась просто глотать икринки, чтобы они не давились на языке.

Нельзя сказать, что ее все устраивало в этой истории. Ей хотелось с ним в театр и в отпуск на море, хотелось, чтобы он приехал к ней с чемоданом и поселился в ее квартире, и даже хотелось с ним и без него посещать его глуховатую тетку Марусю. Он очень пекся о ее здоровье и переживал о том, что слишком часто ему приходится ее оставлять одну, когда у него случаются командировки.

Но Шурик как-то не спешил решать глобально вопрос их совместной жизни, туманно намекая на скорое светлое будущее. И Лариса, влюблено глядя на него, соглашалась. Она в его присутствии просто становилась другой. «Глупая влюбленная корова» – говорила она сама про себя, пытаясь вспомнить подробности очередного долгого разговора по душам, и вспомнить не могла. Наверное, она даже не очень слышала его голос, просто впитывала ощущения, от которых шла кругом голова, и проваливалась в омут этих необычных отношений.

В один из приездов Шурик повел Ларису в ресторан. Они и раньше ездили ужинать куда-нибудь, чтобы не стряпать дома. Но это был с первой минуты необычный ресторанный поход. Шурик был торжественно возбужден, нервно проверял то часы на запястье, то пуговицу на пиджаке, то деньги, которые носил просто в кармане.

Причина этой его дерготни стала понятна Ларисе, как только они пришли в ресторан. Столик, за который их проводили прямо от порога, приняв на входе одежду, был обставлен особенно торжественно, в отличие от всех остальных. Огромный букет роз – свежайших, будто пять минут назад срезанных с кустов, топорщился острыми шипами в хрустале. На темно-бордовых лепестках и темно-зеленых листьях сверкали капельки воды.

Шурик ловко выдернул букет из вазы и протянул Ларисе.

– Цветы? По какому поводу?!

– По самому серьезному, – Шурик слегка заикался. – Лариса... Ларочка... Мне очень трудно говорить, я вообще не знаю, как это делается. Ну, словом, я очень прошу тебя... вас, то есть, стать моей женой!

Последнюю фразу жених буквально выпалил и покрылся красными пятнами.

Лариса от неожиданности села, и чуть не свалила приборы со стола огромным, как веник, букетом. «Странная все-таки тяга у Шурика к этим размерам. Мне ж не поднять его! Опять почти похоронный атрибут...», – подумала она, и тут же мысль эту отогнала прочь – все-таки любимый мужчина, русский Джеймс Бонд сделал ей предложение. Да какой Бонд! Штирлиц! Наш родной и всеми уважаемый сделал ей предложение, а она рассуждает о том, что букет без особого вкуса подобран. Вот уж правда, от счастья голова улетела.

По этой же самой причине она не кивнула Шурику, «согласна, мол», а только нежно улыбнулась.

Он не понял. Бухнулся на колени у стола, и чуть не со слезами, прижимая к своей щеке ее холодную руку, шепотом спросил:

– Я не понял... Ты согласна?

Лариса в ответ кивнула, и покраснела: она почувствовала, как все присутствующие на них уставились. Кто с восторгом, кто с удивлением, кто с завистью.

– Шурик, вставай! Мне ужасно не удобно... – тоже шепотом попросила Лариса. – Да, согласна я, согласна! Только вставай, пожалуйста!

Шурик встал с колен, отряхнулся, победно оглядел зал, потом взял со стола бутылку Шампанского и открыл ее так, что пенистый напиток струей ударил в потолок.

Собственно после этого знаменательного события жизнь Ларисы не изменилась. Она все так же работала в школе, только статус у нее стал несколько иной. Раньше она была просто Лариса Михайловна Потапова, а стала невестой Потаповой. Правда, жених не назначил точную дату свадьбы, и когда коллеги спрашивали Ларису, скоро ли они погуляют по такому случаю, она со смехом отвечала:

– Примерно могу сказать только одно: это возможно произойдет до моей пенсии!

– А фамилия? Ларочка, какая у вас будет фамилия? – лезли с расспросами любопытные, как монашки, учительницы.

– А фамилия у меня останется моя – Потапова.

– А почему? Мужчине очень приятно, когда женщина берет его фамилию!!!

– И все же – фамилия останется у меня моя. Она мне больше нравится.

И это была чистая правда. У Шурика фамилия была не шибко благозвучная – Корытников. Ему она, в общем-то, была к лицу. Но Ларисе не нравилась категорически. И она жениха предупредила сразу: никаких перемен фамилий!

Впрочем, никто и не настаивал. Шурик периодически говорил что-то о будущем, но Лариса, привыкшая к роли соломенной невесты, не очень видела себя в какой-то иной роли.

Как-то раз Шурик завалился к Ларисе без предупреждения, и застал у нее большую уборку. Лариса не просто стирала, убирала, гладила. Она еще и антресоли убирала, и шкафы. И выворачивала ящики, годами хранившие какие-то ненужности, которые жаль было выбросить.

Шурик не горел желанием убирать что-то, но с удовольствием потопал на кухню, где приготовил не хитрый ужин.

– Все! Перекур! – устало сказала Лариса, унюхав из кухни приятный запах жареной картошечки с луком. – Шурик, тащи, пожалуйста, сюда еду! Будем есть и кино смотреть. Я больше не в силах что-то делать...

Стол в комнате, к счастью, не был завален, только большая коробка, завернутая в старое покрывало, покоилась на нем.

– Лар, это что? Это куда? – Шурик подхватил со стола коробку, присматривая место, куда ее можно было бы переложить.

– Тихо-тихо! Аккуратно, не разбей!

– А что тут? – жених Шурик потряс коробкой.

– Ну, я же прошу – «осторожно»! – Лариса приняла из рук Шурика коробку. – Тут икона бабушкина, моя, вернее, уже. Бабушка, когда умирала, мне передала. Говорят, она очень ценная.

– А можно взглянуть? – Шурик, не дожидаясь разрешения, начал разворачивать коробку.

Икона была особенной. Бабушка рассказывала, что всю войну она молилась перед ней за мужа и брата, и им повезло неслыханно: сколько разных ситуаций было страшных, а они выходили из них без единой царапины.

Это была не обычная доска, с прописанным на ней ликом, а сложная конструкция, которую Лариса хорошо изучила еще в детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.